

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 327

Цифровизация и угроза дезинформации: современные управленческие практики Европейского союза

Ю. Ю. Колотаев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Колотаев Ю. Ю. Цифровизация и угроза дезинформации: современные управленческие практики Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 402–421.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.406>

Статья посвящена актуальным проблемам цифрового информационного пространства. В ней рассмотрена угроза дезинформации как явление системного характера, свойственное эпохе «информационного беспорядка» и постправды. В работе отражаются основные теоретические представления о системе взаимосвязей между агентами информационного влияния, вовлеченными стейкхолдерами, а также дается оценка потенциальных и существующих мер противодействия дезинформации. Центральное место занимает опыт Евросоюза, отражающий новое явление наднационального регулирования цифровой сферы в вопросах информационных угроз. Целью статьи является комплексное воспроизведение эволюции, ключевых изменений и актуального состояния деятельности Европейского союза в сфере противодействия дезинформации для оценки издержек и преимуществ разрабатываемой политики. В статье отражены такие важные перемены в деятельности Евросоюза, как принятие нового закона о цифровых услугах, применение практики блокировки СМИ, пересмотр более ранних документов, а также переход от практики саморегуляции к совместному регулированию. Основой проведенного анализа являются стратегии, планы действия, резолюции, а также добровольные кодексы, отражающие стратегическое видение, меры и результаты работы различных институтов Евросоюза. Исследование показало, что на текущий момент интеграционное объединение достигло высокого уровня взаимодействия с цифровыми платформами в вопросах борьбы с дезинформацией, при этом сам характер взаимодействия постепенно менялся. Несмотря на центральную роль платформ в политике Евросоюза, он совмещает новые практики совместного управления с выработкой

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

самостоятельного стратегического нарратива и работой с гражданским обществом. Вместе с тем в рамках проводимой политики наблюдается ряд негативных тенденций, включающих политизацию проблемы в контексте геополитических противоречий, стигматизацию источников информационного влияния, а также нехватку внимания к «неполитической» дезинформации. Кроме того, в политике Евросоюза существуют проблемы, связанные с коллизией между отдельными актами, неполной прозрачностью отдельных мер и наличием действий, плохо поддающихся мониторингу и оценке.

Ключевые слова: Европейский союз, дезинформация, закон о цифровых услугах, пост-правда, цифровизация.

Введение

Глобальная цифровизация информационного пространства совпала в условиях современности с постепенным нарастанием конфликтности международных отношений. Следствием этого процесса стало активное применение информационных технологий для политических манипуляций, включающих распространение дезинформации, поощрения языка вражды, а также другие формы информационного влияния. Рост популярности социальных сетей и онлайн-платформ сделал постоянную ретрансляцию политической повестки доступной и эффективной стратегией на микроуровне пользователя в масштабах всего общества.

Вместе с этим такое явление начала 2020-х годов, как пандемия коронавируса COVID-19, указало на то, что проблемы ложного и вредоносного контента в сети выходят за рамки политических манипуляций. Ситуация глобальной неопределенности заставляет обычных пользователей становиться субъектами распространения дезинформации в той же степени, что и политически мотивированных акторов. Подобная ситуация инфодемии [1; 2], в сочетании с обрисовавшейся в конце 2010-х годов политикой постправды [3–5] сформировали положение «информационного беспорядка» [6], в котором большинство политических и общественных субъектов вынуждены бороться за возможность претендовать на правдивость своих высказываний.

Избыток информации в сочетании с эффективными инструментами и алгоритмами изоляции информационных потоков вынуждал различных акторов выдвигать инициативы по противодействию цифровым угрозам. Одним из наиболее активных примеров при этом выступил Европейский союз (ЕС), найдя в активной информационной политике способ самоактуализации [7]. Включив в спектр своей политической деятельности проблемы цифровизации, ЕС постепенно с середины 2010-х годов расширяет область принятия управленческих решений и сферу противодействия нежелательному или опасному контенту, включающему прежде всего дезинформацию.

Данная работа направлена на систематизацию актуального управленческого опыта ЕС, а также анализ его актуальной цифровой повестки, связанной с принятием новых законодательных мер в сфере управления цифровым единым рынком (закон о цифровых услугах) и их влиянием на информационную сферу. В основе исследования лежит корпус нормативных документов институтов ЕС за период с 2014 по 2022 г., отражающих последовательную эволюцию и текущее состояние действий в сфере борьбы с цифровой дезинформацией (табл. 1). Нормативные документы были отобраны в соответствии с классификацией релевантных докумен-

тов на официальной веб-странице Европейской комиссии по противодействию дезинформации [8]. Также корпус текстов был дополнен вспомогательными документами, отобранными исходя из перекрестных упоминаний в первичном корпусе документов. Общее число документов — 20, среди них основную часть составляют резолюции Европарламента, а также сообщения и совместные коммюнике Еврокомиссии.

Таблица 1. Документы институтов ЕС, рассмотренные в ходе исследования

Документ	Институт ЕС	Год публикации
Resolution on the situation in Ukraine	Европейский парламент (EP)	2014
Resolution on the Annual Report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament	Европейская служба внешних связей (EEAS)	2015
Code of Conduct against online hate speech	Европейская комиссия (EC)	2016
Resolution on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties	Европейский парламент	2016
Code of Practice on Disinformation	Европейская комиссия	2018
Communication Tackling Online Disinformation: A European Approach	Европейская комиссия	2018
Joint Communication Action Plan Against Disinformation	Европейская комиссия	2018
Communication On the EU Security Union Strategy	Европейская комиссия	2020
Communication On the European Democracy Action Plan	Европейская комиссия	2020
Communication Shaping Europe's Digital Future	Европейская комиссия	2020
Digital Education Action Plan 202–2027	Европейская комиссия	2020
Joint Communication Tackling Covid-19 Disinformation	Европейская комиссия	2020
Joint Communication The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade	Европейская комиссия	2020
Proposal for a Regulation on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act)	Европейская комиссия	2020
Proposal for a Regulation on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act)	Европейская комиссия	2020
Special Report 09/2021: Disinformation affecting the EU: tackled but not tamed	Европейская счетная палата (ECA)	2021
The strengthened Code of Practice on Disinformation	Европейская комиссия	2022
RT France v Council of the European Union. Case T-125/22	Европейский суд общей юрисдикции (EGC)	2022
Digital Markets Act	Европейский парламент и Совет ЕС (EP, Council)	2022
Digital Services Act	Европейский парламент и Совет ЕС	2022

На предварительном этапе исследования особое внимание было уделено приоритетам политики ЕС, отмеченным в документах. Приоритеты рассматривались через призму характера предлагаемых мер: оградительные или адаптивные, принудительные или добровольные. Основное внимание при изучении корпуса руководящих документов было уделено сравнительному анализу вовлеченности различных акторов (стейкхолдеров) в реализацию текущей информационной и цифровой стратегии. Анализ деятельности акторов опирается на линейную модель коммуникации Г. Лассуэлла [9] вместе с ее критическими дополнениями [10], в рамках которой выделяются пять основных аспектов (*коммуникатор, сообщение, канал, получатель, эффект*) и два вспомогательных (мотивы и контекст). Но, в отличие от классической модели, в работе основное внимание уделяется поведению и принципам интеракции акторов и информации, т. е. центральными единицами анализа выступают коммуникатор, канал и получатель, или, иначе говоря, *субъект, посредник и объект* информационного влияния. Отдельное внимание уделяется переменам и преемственности в стратегическом видении, связанном с глобальными кризисами начала 2020-х годов, в частности обострением отношений с Российской Федерацией.

Дезинформация в условиях цифровой реальности

Проблематика существования лжи, манипуляций и обмана в политике и общественной жизни исторически имеет важное значение для процесса коммуникации, формирования дискурса и образования властных отношений [11; 12]. Пересечение социальных интересов различных акторов порождает ситуации параллельного существования различных стратегических нарративов, интерпретирующих конкретное понимание событий или явлений в категориях «правдивости».

Сосуществование параллельных нарративов, претендующих на правдивость, создает «дискурсы правды», указывающие, в интерпретации М. Фуко, на отсутствие прямой связи между дискурсом и той реальностью, о которой он говорит [12]. Подобные дискурсы создаются в рамках практик управления и являются инструментами власти, что вызвано ограниченностью доступа к возможности утверждения правды. Они превращают правду в инструмент изменения реальности, иначе говоря, инструментализируют ее, что является ключевой предпосылкой использования и конструирования дезинформации и других информационных угроз. Отрицание или опровержение дискурсов правды может восприниматься как ложь, а сохранение их значимости требует использования риторических приемов, а иногда и методов фальсификации.

В научной литературе и публицистике проблема политической и социальной лжи получила множественные интерпретации в категориях пропаганды [13; 14], дезинформации [15–17], а также фейков [18; 19] и постправды [20–22]. Эти исследования понимают ложь как инструмент влияния и сохранения или продвижения релевантного нарратива. Каждое из понятий имеет свой контекст употребления и различается по смысловому применению к сфере политики.

Если пропаганда отражает стремление стратегически продвигать какую-либо информацию, то дезинформация указывает на недостоверные сведения, распространяемые агентом. В то же время фейки и постправда являются определениями, актуализировавшимися в реалиях медийного пространства, в особенности с по-

явлением цифровых медиа. При этом фейк выступает смысловым аналогом дезинформации, в то время как постправда становится благоприятной средой или стратегией, в которой доказательностью обладают не факты, а эмоциональное отношение к ним [23; 24]. На текущий момент применение той или иной категории в научном исследовании во многом обусловлено терминологическим аппаратом исследуемого объекта либо задаваемыми теоретическими рамками.

Распространение ложных сведений требует вовлечения нескольких информационных агентов. К их числу следует отнести *субъекта, посредника и объект* информационного влияния, находящихся в тесной взаимосвязи и отражающих роли коммуникатора, канала и получателя линейной модели коммуникации Г. Лассуэлла [9; 10]. Субъект (коммуникатор) является тем политическим или неполитическим актором, кто формирует и распространяет ложное (или любое другое) сообщение. Посредником (каналом) выступают СМИ или медиаплатформы, которые ретранслируют изначальное сообщение с возможностью вмешательства в процесс передачи сведений в силу своего промежуточного положения. Объектом (получателем) является итоговый реципиент сведений, которым может выступать как отдельный индивид, так и целое сообщество. Взаимодействие между данными тремя агентами формирует специфику публичного коммуникативного акта, которая применима к процессу распространения лжи и дезинформации.

В условиях цифровой реальности вышеуказанная коммуникационная структура принципиально не меняется, она сохраняет все ключевые звенья и связи между ними. Однако цифровая трансформация серьезно воздействует на форму потребления информации со стороны объекта и влияет на посредника. С одной стороны, развитие современных социальных сетей и онлайн-платформ меняет количество информации и тип подачи контента, с которым ежедневно сталкивается пользователь. Избыточность поступающих сведений снижает критическое восприятие информации [25]. С другой стороны, архитектура современных платформ создает особые предпосылки для донесения целевых сведений до объектов. Коммерчески ориентированная система таргетинга и структура цифровых алгоритмов создают искаженную информационную среду, в которой потребитель информации видит те сведения, которые ему точно доставляются в соответствии с его цифровым следом. Вследствие этого возникают «эхо-камеры», [26] ограничивающие индивидуальное информационное поле объекта, делая его эмоционально привлекательным и соответствующим личным убеждениям.

Такая среда формирует «эпоху постправды», в которой у политического субъекта расширяется инструментарий информационного влияния и манипуляций «правдивостью» сведений. Основными инструментами выступают информационные рычаги давления и социальные разделительные линии, которые позволяют эффективно манипулировать общественным мнением, культивируя дезинформацию и в отдельных случаях — язык вражды. К таким рычагам относятся общественная поляризация по политически важным темам, социальные кризисы, национальные или религиозные различия [27; 28], которые бросают вызов «дискурсу правды». Все это формирует среду, где, при условии низкой коллективной медиаграмотности и невысокого критического мышления, коллективный консенсус распадается на множество самостоятельных дискурсов, со своим собственным набором идеологических аксиом, догм и критериев «правдивости».

В связи с этим в XXI в. понятия «дезинформация» и «фейковые новости» отражают не только природу ложных утверждений, но и формируют риторический штамп, в результате которого обвинение другого во лжи является способом защиты собственной «правды». Подобные обстоятельства приводят к тому, что отдельные понятия, такие как «фейк» и «фейковые новости», ассоциируются с негативными политическими кампаниями по дискредитации оппонентов [29]. Вместе с тем термин «дезинформация» стилистически является более нейтральным в условиях цифровой реальности, хотя и содержит в себе наследие, оставшееся после холодной войны.

Важно отметить, что сама по себе дезинформация может быть типологически многообразной, основными принципами классификации ее типов являются: наличие намерения при распространении ложных сведений, форма ложного контента (текстовый, аудиовизуальный и т. д.), технические аспекты, содержательные различия (дискредитация, обвинение, фактоид, псевдофакт) и др. [29–32].

Главным следствием множественности классификаций становится то, что дезинформация требует многогранного восприятия, выходящего за рамки узкополитического мышления. По этой причине в ходе реализации различных подходов к дезинформации и противодействию ей следует учитывать как многообразие акторов (субъект/посредник/объект) и потенциальных мотивов их действий, так и содержательные различия дезинформации, выражающиеся в постоянной эволюции средств воплощения и распространения.

Деятельность ЕС по противодействию дезинформации: историческая ретроспектива

В современных исследованиях проблемы дезинформации опыт ЕС занимает особое положение в силу того, что интеграционное объединение стало одним из первых акторов, комплексно подошедших к проблеме информационного влияния и цифровых угроз.

Первоначально большое число государств-членов под воздействием роста актуальности проблематики стало прибегать к прямым регуляторным интервенциям, призванным законодательно отгородиться от угрозы информационного влияния в различных его проявлениях. В условиях нарастающего распространения соцсетей в 2010-е годы первыми странами, показательно принявшими законы, затрагивающие онлайн-дезинформацию или риторику ненависти, стали Германия и Франция [33; 34]. В дальнейшем практика распространилась и на другие государства.

Однако, в отличие от аналогичных практик в других регионах мира, европейское пространство, а точнее пространство ЕС, смогло расширить процесс противодействия, полноценно включив в него наднациональный уровень. Этот процесс происходил прежде всего в контексте нарастающей с 2014 г. информационной конфронтации ЕС и Российской Федерации. По этой причине дезинформация в ЕС получила коннотацию внешней угрозы, требующей секьюритизации в публичном пространстве. Процесс секьюритизации сопровождался активной позицией Европарламента, выраженной в ряде резолюций [35; 36], и Европейской службы внешних связей (ЕСВС) [37; 38], задавших на начальном этапе характерную антиросийскую направленность повестки противодействия информационному влиянию.

На этом этапе в риторике европейских институтов, выраженной в упомянутых резолюциях и докладах, прослеживается закрепление борьбы дискурсов и расхождения стратегических нарративов с Россией. Делается акцент на виновности внешнего *субъекта*, создающего прямую угрозу европейской «правде» и интерпретации политической реальности.

По этой причине первые инициативы 2015–2017 гг. носили характер стратегических коммуникаций, так как затрагивали лишь информационное противодействие российскому нарративу силами структур ЕСВС [39]. Наиболее явное отражение эта линия противодействия получила в рамках Восточной группы по стратегическим коммуникациям [40]. Однако первичный акцент на субъекте информационного влияния стимулировался преимущественно Европарламентом и ЕСВС. Параллельно с действиями этих институтов в 2017–2018 гг. активным актором в вопросах противодействия дезинформации становится Еврокомиссия. В качестве первых шагов в этой области она запускает процессы последовательной формализации [41; 42] и коллективного консультирования между ЕС и экспертным сообществом [29] по вопросам природы цифровой дезинформации.

Попытка сформировать более комплексное понимание цифровых угроз, в частности, привела к тому, что Еврокомиссия отказывается от использования категории «фейки» в своих документах, отдав приоритет «деполитизированной» дезинформации. Также Еврокомиссия стремится пересмотреть структуру актуального информационного влияния, в результате чего в 2018 г. в ЕС сложились контуры новой политики по противодействию дезинформации, строящейся на четырех столпах: 1) формировании у ЕС способности к обнаружению, анализу и разоблачению дезинформации; 2) усиленной координации по реагированию на дезинформацию; 3) включении корпораций и гражданского общества в противодействие дезинформации; 4) способствовании общественной осведомленности и укреплении социальной стрессоустойчивости [42]. Лидерство в рамках реализации этой политики получила Европейская комиссия, которая сфокусировалась на выстраивании взаимодействия с различными стейкхолдерами, тем самым отказавшись от исключительного приоритета предполагаемого субъекта информационного влияния в пользу посредника и объекта.

Одним из ключевых достижений последующего периода, 2018–2020 гг., стало формирование при посредничестве Еврокомиссии Кодекса практик цифровых платформ, взявших на себя обязательство по саморегуляции в сфере борьбы с дезинформацией [43]. Кодекс в интерпретации ЕС стал примером адаптивного, нерегулятивного противодействия, акцентирующего особое внимание на защите свободы слова. Именно Кодекс стал одним из первых примеров, где за *посредником* цифровой коммуникации закрепляется особая роль в вопросах борьбы с дезинформацией. Посредник воспринимается как среднее звено, способное фильтровать первичное сообщение субъекта.

Однако в ходе последующей ревизии Кодекса, а также оценки реализации принятого в 2018 г. плана по противодействию дезинформации [44] были выявлены структурные недостатки политики саморегуляции [45–47]. В частности, особую критику получила проблема недостаточной отчетности платформ за свои действия, что обозначило озабоченность «приватизацией» сферы борьбы с дезинформацией в виде частного цензуры со стороны платформ. Также была

отмечена неспособность как платформ, так и ЕС обеспечить реальную защиту пользователей (т. е. объектов влияния) и выполнить взятые на себя обязательства.

Попыткой компенсации этих недостатков стал уклон в гражданские практики, связанные, к примеру, с действиями в сфере образования и науки [48]. Сформированные исследовательские и образовательные платформы (SOMA Project и позже EDMO) должны были стать способом включения *объекта* в противодействие дезинформации на микроуровне. Однако макрополитика ЕС сохранила свой особый акцент на политической дезинформации, а также проблеме вмешательства в выборы, игнорируя внутреннюю дезинформацию и действия частных акторов, что создало дисбаланс в установлении ответственности за меры, приоритеты и уровни противодействия.

Лишь пандемия коронавируса 2020 г. скорректировала видение ЕС, который под воздействием инфодемии (массовой неконтролируемой дезинформации о COVID-19) принял и неполитическую дезинформацию в качестве вида информационного влияния, требующего противодействия [49]. Начиная с 2020 г. активизируется и более широкое вовлечение *коллективного объекта* влияния в форме гражданского общества. Сигналами к этому становятся формирование постоянных исследовательских центров по цифровым угрозам по всей Европе [50], привлечение широкого круга стейкхолдеров к пересмотру Кодекса [51], а также поощрение образовательных и фактчекинговых инициатив за счет грантовой поддержки.

Таким образом, за половину десятилетия ЕС удалось сформировать и частично воплотить в жизнь систему наднационального посредничества в вопросах борьбы с информационными угрозами. Интеграционное объединение взяло на себя функцию консолидации позиции стран-членов, которые сохранили за собой основные законодательные полномочия и возможности в области цензуры. Если рассматривать действия ЕС с точки зрения основных агентов информационного влияния, то на протяжении 2015–2020 гг. он двигался к воздействию на различные части коммуникационного процесса (табл. 2). Первоначальные стратегические коммуникации были направлены против предполагаемого субъекта информационного влияния, создание Кодекса должно было сдерживать негативные следствия посреднической функции онлайн-платформ, а программы по медиаграмотности оказались нацеленными на потенциальные объекты информационного влияния.

Если обратиться к опыту других наднациональных или межправительственных структур, то можно констатировать, что такой широкий охват политики по противодействию дезинформации на текущий момент свойственен только ЕС. К примеру, инициативы Совета Европы (СЕ) имеют в приоритете образовательные и просветительские функции, а также защиту прав СМИ [52; 53]. Организации Североатлантического договора (НАТО) обладают собственной структурой борьбы с дезинформацией, состоящей из распознавания угроз на первом этапе и стратегических коммуникаций на втором [54]. Подобная структура, аналогично ЕС, также содержит стигматизацию основных субъектов информационного влияния в лице России. Другие же международные организации и союзы находятся на этапе артикуляции потребности совместного противодействия. В частности, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности лишь к началу 2022 г. [55] начали формироваться первые предпосылки для совместных действий в сфере информационных угроз.

Таблица 2. Эволюция стратегического мышления в области борьбы с дезинформацией за 2015–2020 гг. через призму руководящих документов

Принцип	Документы	Характеристики
Субъектно-ориентированная логика	<ol style="list-style-type: none"> 1. EEAS. Resolution on the Annual Report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament; 2. EP. Resolution on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) 	Основное внимание уделяется сдерживанию субъекта информационного влияния. Основная задача — создание контрнарратива и информационная дискредитация оппонента
Приоритет посредника	<ol style="list-style-type: none"> 1. EC. Code of Practice on Disinformation 2. EC. Joint Communication Action Plan Against Disinformation 	Особое внимание к онлайн-платформам и медиа в их посреднической информационной функции. Передача им полномочий в области модерации контента
Объектно-ориентированная логика	<ol style="list-style-type: none"> 1. EC. Joint Communication Action Plan Against Disinformation 2. EC. Joint Communication Tackling Covid-19 Disinformation 	Ключевой акцент делается на развитии потенциала и возможностей объекта, его навыков критического мышления и самостоятельной способности реагировать на дезинформацию

Из этого следует, что сложившаяся к 2020 г. система борьбы с дезинформацией ЕС по своему охвату и длительности развития качественно отличается от аналогичных мер и политик других региональных акторов. С момента своего формирования она обладала набором недостатков, которые сосуществовали с передовыми практиками. Однако важнейшим препятствием для дальнейшего развития действий ЕС оставалось, как и в случае с другими организациями, их рекомендательное свойство, сочетающееся с юридической необязательностью.

Деятельность ЕС по противодействию дезинформации: текущее состояние

Ситуация начала 2020-х годов привела к частичному пересмотру деятельности ЕС в сфере дезинформации. Помимо пандемии, проиллюстрировавшей реальный урон, наносимый онлайн-дезинформации, другим серьезным стимулом к обновлению Европейской политики стали прецеденты, иллюстрировавшие силу и возможности современных платформ. Обсуждение такого явления, как «деплатформинг» [56; 57], т. е. возможность онлайн-платформы исключить кого-либо из собственного информационного поля, заставило научное сообщество и управленцев оценить границы частного вмешательства в цифровое пространство.

В совокупности с проблемами подотчетности посредника в сфере борьбы с дезинформацией, опасения, касающиеся роста влияния платформ, привели к тому, что европейские регуляторы начали процесс пересмотра практики саморегуляции

в пользу совместного управления (co-regulation). Отправной точкой этого процесса стала параллельная разработка двух новых законов, затрагивающих деятельность платформ: закона о цифровых услугах (Digital Services Act) [58; 59] и закона о цифровых рынках (Digital Markets Act) [60; 61].

Наибольшую релевантность в отношении политики по противодействию дезинформации имеет при этом именно закон о цифровых услугах, так как именно в нем отражены новые обязательства по *противодействию незаконному контенту, запрету на определенные виды целевой рекламы, доступу исследователей к ключевым данным и созданию структур надзора* [62]. В то же самое время закон о цифровых рынках отражает в большей степени положения по конкуренции в цифровом пространстве. Построение новых обязательств по принципу совместного управления стало способом сдерживания платформ в их способности не только влиять на цифровое пространство, но и чрезмерно эксплуатировать данные пользователей в коммерческих целях. Последнее было особенно важно в контексте непрозрачности внутренних алгоритмов платформ и возможности их использования в политических целях.

Стоит отметить, что новые законы были приняты на фоне общего масштабирования политики ЕС в цифровой сфере в целом и в области фейкового контента в частности. Рост количества упоминаний «дезинформации» в различных стратегических документах [63–66] указывал на дополнительную секьюритизацию угрозы, что позволило перейти от консультативного и добровольного реагирования к законодательной и надзорной роли институтов ЕС. При этом процесс включения дезинформации в регулятивное поле произошел через экономическую плоскость, так как все предшествовавшие действия являлись составной частью деятельности по развитию цифрового единого рынка (Digital Single Market).

Вместе с тем процесс перехода от саморегуляции к совместному регулированию происходит для ЕС в условиях обострения конфронтации между Западом и Россией. Основной период политического принятия новых законов и пересмотра Кодекса пришелся на начало 2022 г., совпавшего с началом специальной военной операции (СВО) и, следственно, глобального ухудшения информационного климата. Учитывая то, что соперничество стратегических нарративов двух сторон было одной из первопричин формирования политики ЕС по противодействию дезинформации на начальном этапе (2015–2018), ухудшение ситуации в отношениях ЕС и России в 2022 г. имело прямое следствие на действия интеграционного объединения.

В частности, ЕС впервые применил прямую блокировку российских СМИ Russia Today (RT) и Sputnik на своей территории [67]. Возможность подобных действий была предусмотрена Планом действий по укреплению европейской демократии 2020 г. [68]. Выбранные рестриктивные меры стали фактической манифестацией официального стратегического нарратива ЕС. Они имели явное символическое значение и не соответствовали многостороннему подходу ЕС начального этапа разработки политики по противодействию дезинформации.

В то же время блокировка формально поставила вопрос о превышении полномочий со стороны институтов ЕС и рассмотрении этих действий в качестве цензуры. Прежде всего противоречия возникают в связи с тем, что в отдельных странах-членах конституционно зафиксирован запрет на цензуру [69], который в случае

с указанной блокировкой фактически игнорируется. Несмотря на неоднозначность ситуации, действия ЕС не вызвали широкого протеста, а дальнейшее развитие событий привело к тому, что суд ЕС закрепил правомерность своих решений [70]. Тем самым он подтвердил право ЕС принимать санкции против различных форм «пропаганды» в контексте чрезвычайных обстоятельств.

Решение суда ЕС закрепило дополнительные полномочия объединения, затрагивающие действия не только онлайн-платформ, но и СМИ. При этом контекст СВО стал предпосылкой для ускорения процесса принятия новых законов, закрепляющих рестриктивные меры в виде штрафов для онлайн-платформ за несоблюдение правил модерации и отчетности.

Ускорение процесса выразилось не только в быстром прохождении законом всех формальных этапов. Важным следствием стало частичное несоответствие процесса его принятия более ранним инициативам. Так, исходя из изначальных намерений [71] пересмотр Кодекса должен был привести к его включению в качестве составной части в закон о цифровых услугах. Но в результате на момент принятия закона документы оказались в состоянии параллельного сосуществования без прямой привязки друг к другу, что создает на текущий момент коллизию в вопросах вовлечения пользователей, а также использования ресурсов [72]. Проблема прямой взаимосвязи между двумя документами стала не только иллюстрацией пересмотра более ранних позиций ЕС. Она сформировала вопрос о характере дальнейшего развития политики ЕС в сфере информационных угроз.

Стремление быстро реагировать на обострение информационных конфликтов также отразилось и на комплексности представлений о проблеме дезинформации. Вопросы о неполитической дезинформации, поднятые пандемией, отошли на второй план. Это проявилось и в риторике официальных лиц ЕС [73], так как состояние конфронтации потребовало консолидации ресурсов в направлении информационного противоборства. Кроме того, на фоне активизации действий в сфере дезинформации другие информационные проблемы, такие как, например, язык вражды, оказались в отступающем положении, о чем свидетельствует и негативная динамика в деятельности платформ по обработке такого рода контента [74]. Внимание к политическим нарративам и дезинформации в результате снизило вовлеченность ЕС в разработку и развитие собственных инициатив по другим направлениям цифровых социальных угроз, а также вновь зафиксировало смещение стратегического мышления от объектов информационного влияния и их поддержки в сторону субъектов и их блокировки. Рестриктивные практики при этом затронули и уровень посредника, оказавшегося в европейском пространстве в более ограниченном положении, чем на начальных этапах разработки политики ЕС.

В результате в ЕС сформировались две практики управления, связанные с дезинформацией. Институциональные рамки, направленные на многостороннее регулирование, созданные еще до закона о цифровых услугах, но обобщенные в нем, сохранили свою актуальность. Их основным предметом регулирования остался посредник информационного влияния в виде цифровых платформ. Сохранили свою значимость и действия, нацеленные на объект информационного влияния. Однако смена геополитической ситуации заставила ЕС вернуться к риторике периода первоначального формирования политики ЕС, связанной с активным стратегическим нарративом.

На текущий момент по мере сохранения двусторонней эскалации с Россией ЕС практикует более активное применение оградительных, негибких мер. Такого рода политизация подхода к дезинформации снижает его эффективность, так как упускает из поля зрения внутренние информационные проблемы. Кроме того, сохранение острого нарратива лишь усугубляет глобальную нестабильность, что также становится скорее фактором увеличения информационных угроз, чем их снижения.

Заключение

Информационные угрозы XXI в. имеют тесную связь с различными агентами, вовлеченными в информационное влияние. Попытки противодействия дезинформации и фейкам должны учитывать это обстоятельство для выработки последовательного подхода, направленного сразу на все необходимые элементы. Чрезмерное внимание лишь к одному из агентов делает политику уязвимой. Вместе с тем, помимо самих мер, важен и стратегический нарратив, в который помещены действия, так как в зависимости от него содержательная сторона политики по противодействию дезинформации может искажаться от избыточного нормативного или идеологического компонента.

Пример Европейского союза иллюстрирует, что в глобальной практике существуют не только национальные методы противодействия дезинформации, но и действия, осуществляемые на наднациональном или региональном уровне. Консолидация усилий со стороны ЕС дает значительный результат в вопросах взаимодействия с крупными онлайн-платформами. Позиция регионального представительства со стороны ЕС заставляет их идти на компромисс. При этом опыт ЕС иллюстрирует, как последовательная эволюция взаимоотношений с платформами приводит к переходу от добровольной саморегуляции к более ответственному совместному регулированию.

Для самого ЕС развитие собственной политики в сфере противодействия дезинформации выражается на текущий момент в масштабировании инициатив, их вливанию в смежные сферы. Союз смог за несколько лет сформировать собственные правила работы платформ, которые были закреплены в законодательном акте, обязательном для национальной имплементации. Все это свидетельствует о расширении деятельности ЕС и его самоактуализации в цифровую эпоху.

В то же время активное взаимодействие с различными группами интересов, включающими также гражданское общество и СМИ, сильно зависит от той нормативной и дискурсивной линии, которой придерживается ЕС. Возможности прийти к более универалистскому пониманию ложного и вредоносного контента в Сети пока не были реализованы в силу геополитической ситуации. Соперничество с Россией, ее стигматизация в качестве «образа врага», сфокусировали институты ЕС на узком видении проблемы, которое, в свою очередь, влияет и на дальнейшее развитие политики ЕС в сфере противодействия дезинформации.

Литература

1. Zarocostas, J. (2020). How to fight an infodemic, *The Lancet*, vol. 10225, no. 395, p. 676.
2. Венидиктов, С. В. (2022). Post-truth как угроза медиапотребления в эпоху пандемии, *Знак: проблемное поле медиаобразования*, № 2 (44), с. 15–22.

3. Чугров, С. В. (2017), Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии?, *Полис. Политические исследования*, № 2, с. 42–59.
4. Block, D. (2019), *Post-Truth and Political Discourse*, Springer International Publishing.
5. Dalkir, K. (2020), *Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World*, ed. by Katz, R., IGI Global.
6. Wardle, C. and Derakhshan, H. (2017), *Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking*, Council of Europe, 2017.
7. Сутырин, В. В. (2021), Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы, *Современная Европа*, № 6, с. 17–29.
8. European Commission (2023), *Shaping Europe's digital future — Tackling online disinformation*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/online-disinformation> (дата обращения: 07.05.2023).
9. Lasswell, H. D. (1948), The structure and function of communication in society, in: Bryson, B. L. (ed.), *The communication of idea*, Harper and Row, pp. 37–51.
10. Braddock, R. (1958), An Extension of the “Lasswell Formula”, *Journal of Communication*, vol. 8, no. 2, pp. 88–93.
11. Arendt, H. and Kohn, J. (2006), *Between Past and Future* (Annotated ed.), Penguin Classics.
12. Foucault, M. (2017), *Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980–1981*, ed. by Ewald, F., Fontana, A. and Gros, F., Palgrave Macmillan UK.
13. Lasswell, H. D. (1938), *Propaganda technique in the World War*, New York: Peter Smith.
14. Ellul, J. (1973), *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*, trans. by Kellen, K. and Lerner, J., New York: Vintage Books.
15. Alexander, J. and Smith, J. (2011), Disinformation: A Taxonomy, *IEEE Security & Privacy*, vol. 9, no. 1, pp. 58–63.
16. Муценек, В. Е. (2018), Дезинформация как инцидент информационной безопасности. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, № 24, с. 24–32.
17. Gerrits, A. W. M. (2018), Disinformation in International Relations: How Important Is It?, *Security and Human Rights*, vol. 29, no. 1–4, pp. 3–23.
18. Валитова, А. Т. (2022), Фейковые новости как политико-дискурсивный феномен современной эпохи, *Вопросы Политологии*, № 12 (3), с. 684–691.
19. Corner, J. (2017), Fake news, post-truth and media-political change, *Media, Culture & Society*, vol. 39, no. 7, pp. 1100–1107.
20. Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H. and Cook, J. (2017), Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, vol. 6, no. 4, pp. 353–369.
21. Kalpokas, I. (2019), *A Political Theory of Post-Truth*, Springer International Publishing.
22. Попова, О. В. (2018), «Политика постправды» и популизм, СПб.: Скифия-принт.
23. Boler, M. and Davis, E. (2018), The affective politics of the “post-truth” era: Feeling rules and networked subjectivity, *Emotion, Space and Society*, vol. 27, pp. 75–85.
24. Durnová, A. (2019), Unpacking emotional contexts of post-truth, *Critical Policy Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 447–450.
25. Pothos, E. M., Lewandowsky, S., Basieva, I., Barque-Duran, A., Tapper, K. and Khrennikov, A. (2021), Information overload for (bounded) rational agents, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 288 (1944), pp. 2020–2957.
26. Jamieson, K. H. and Cappella, J. N. (2008), *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*, 1st ed., New York: Oxford University Press.
27. Gaultney, I., Sherron, T. and Boden, C. (2022), Political polarization, misinformation, and media literacy, *Journal of Media Literacy Education*, vol. 14, no. 1, pp. 59–81.
28. Pérez-Escobar, M. and Noguera-Vivo, J. M. (eds) (2022), *Hate Speech and Polarization in Participatory Society*, New York: Taylor & Francis.
29. De Cock Buning, M. (2018), *A multi-dimensional approach to disinformation: Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation*, Publications Office of the European Union.
30. Tandoc, E. C., Lim, Z. W. and Ling, R. (2018), Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions, *Digital Journalism*, vol. 6, no. 2, pp. 137–153.
31. Ильченко, С. Н. (2021), Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ, Ростов-на-Дону: Феникс.
32. Красовская, Н. Р. (2020), Фейковые новости и дипфейки как психотехнологии современной информационной войны, *Гуманитарные проблемы военного дела*, № 2 (23), с. 191–194.

33. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz — NetzDG) vom 1. September 2017. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html> (дата обращения: 17.01.2023).
34. Loi no 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559/> (дата обращения: 17.01.2023).
35. European Parliament (2015), *Resolution of 15 January 2015 on the situation in Ukraine (2014/2965(RSP))*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0011_EN.html (дата обращения: 17.01.2023).
36. European Parliament (2016), *Resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI))*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2023).
37. European Parliament (2015), *Resolution of 12 March 2015 on the Annual Report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament (2014/2219(INI))*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0075_EN.html (дата обращения: 17.01.2023).
38. Remarks by F. Mogherini on EU strategic communication to counteract anti-EU propaganda by third parties, *EEAS Website*. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/15765_en (дата обращения: 17.01.2023).
39. Questions and Answers about the East StratCom Task Force, *EEAS Website*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (accessed: 18.01.2023).
40. Базаркина, Д. Ю. (2021), Эволюция подхода Европейского союза к борьбе с дезинформацией, *Власть*, № 6, с. 130–138.
41. European Commission (2018), *Communication Tackling Online Disinformation: A European Approach COM/2018/236 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (дата обращения: 17.01.2023).
42. European Commission (2018), *Joint Communication Action Plan Against Disinformation Join/2018/36 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=JOIN:2018:036:FIN> (дата обращения: 17.01.2023).
43. Code of Practice on Disinformation (2018), *Shaping Europe's digital future*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2018-code-practice-disinformation> (дата обращения: 17.01.2023).
44. European Court of Auditors (2021), *Special Report 09/2021: Disinformation affecting the EU: tackled but not tamed*. URL: https://www.eca.europa.eu/lists/ecadocuments/sr21_09/sr_disinformation_en.pdf (дата обращения: 17.01.2023).
45. Kuczerawy, A. (2019), Fighting Online Disinformation: Did the EU Code of Practice Forget about Freedom of Expression?, in: *Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democracy* (European Integration and Democracy Series, vol. 6), Intersentia, pp. 291–308.
46. Monti, M. (2020), The EU Code of Practice on Disinformation and the Risk of the Privatisation of Censorship, in: *Democracy and Fake News*, London: Routledge, pp. 214–225.
47. Pitruzzella, G. and Pollicino, O. (2020), *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective*, EGEA Spa — Bocconi University Press.
48. Social Observatory for Disinformation and Social Media Analysis, *SOMA Project*. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/825469> (дата обращения: 18.01.2023).
49. European Commission (2020), *Joint Communication Tackling Covid-19 Disinformation — Getting the Facts Right Join/2020/8 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020JC0008> (дата обращения: 17.01.2023).
50. EDMO at a Glance, *EDMO*. URL: <https://edmo.eu/edmo-at-a-glance/> (дата обращения: 22.12.2022).
51. *Disinformation: online platforms continue the Code of Practice revision in light of the war in Ukraine and report on first 2022 actions to fight COVID-19 disinformation*, *European Commission Press Release* (2022). URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/disinformation-online-platforms-continue-code-practice-revision-light-war-ukraine-and-report-first> (дата обращения: 02.02.2023).
52. Dealing with propaganda, misinformation and fake news — Democratic Schools for All, *Council of Europe*. URL: <https://www.coe.int/en/web/campaign-free-to-speak-safe-to-learn/dealing-with-propaganda-misinformation-and-fake-news> (дата обращения: 09.12.2022).
53. *PACE*. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=25406> (дата обращения: 09.12.2022).
54. Sanchez, L. (2021). Report — Bolstering the democratic resilience of the alliance against disinformation and propaganda, *NATO Parliamentary Assembly*. URL: <https://www.nato-pa.int/document/2021-bolstering-democratic-resilienceof-alliance-against-disinformation-and-propaganda> (дата обращения: 11.12.2022).

55. В Москве 16 мая состоялась встреча лидеров государств — членов ОДКБ, посвященная 30-летию подписания Договора о коллективной безопасности и 20-летию создания ОДКБ (2020), *ОДКБ*. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-16-maya-proydet-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/#loaded (дата обращения: 05.03.2023).
56. Moynihan, H. (2021), Deplatforming Trump puts big tech under fresh scrutiny, *Chatham House* — International Affairs Think Tank*. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/deplatforming-trump-puts-big-tech-under-fresh-scrutiny> (дата обращения: 05.03.2023).
57. Jhaver, S., Boylston, C., Yang, D. and Bruckman, A. (2021), Evaluating the Effectiveness of Deplatforming as a Moderation Strategy on Twitter, *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, vol. 5, pp. 381:1–381:30.
58. European Commission (2020), *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (дата обращения: 17.01.2023).
59. *Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) (Text with EEA relevance) PE/30/2022/REV/1 — OJ L 277*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2065> (дата обращения: 17.01.2023).
60. *Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) PE/17/2022/REV/1 OJ L 265*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925> (дата обращения: 17.01.2023).
61. European Commission (2020), *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) COM/2020/842 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (дата обращения: 17.01.2023).
62. DSA: Commission welcomes political agreement, *European Commission — Press corner*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2545 (дата обращения: 02.02.2023).
63. European Commission (2020), *Joint Communication The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade Join/2020/18 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52020JC0018>
64. European Commission (2020), *Digital Education Action Plan 2021–2027 Resetting education and training for the digital age COM/2020/624 final*. URL: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/action-plan> (дата обращения: 17.01.2023).
65. European Commission (2020), *Communication On the EU Security Union Strategy COM/2020/605 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0605> (дата обращения: 17.01.2023).
66. European Commission (2020), *Communication Shaping Europe's Digital Future COM/2020/67 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0067> (дата обращения: 17.01.2023).
67. Ukraine: Sanctions on Kremlin-backed outlets Russia Today and Sputnik (2022), *European Commission — Press corner*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_1490 (дата обращения: 31.01.2023).
68. European Commission (2020), *Communication On the European Democracy Action Plan COM/2020/790 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0790> (дата обращения: 17.01.2023).
69. Russian media “censorship” overrules Swedish & Danish constitution (2022), *EUobserver*. URL: <https://euobserver.com/opinion/156235> (дата обращения: 31.01.2023).
70. *Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 27 July 2022. RT France v Council of the European Union. Case T-125/22. — Document 62022TJ0125*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62022TJ0125#t-ECR_62022TJ0125_EN_01-E0001 (дата обращения: 17.01.2023).
71. Strengthened Code of practice on disinformation: Commission and signatories call for broader participation (2021), *Shaping Europe's digital future*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/strengthened-code-practice-disinformation-commission-and-signatories-call-broader-participation> (дата обращения: 19.05.2023).
72. Position of the EU DisinfoLab on the 2022 Code of Practice on Disinformation, *EU DisinfoLab*. URL: <https://www.disinfo.eu/advocacy/eu-disinfolabs-position-on-the-2022-code-of-practice-on-disinformation/> (дата обращения: 02.02.2023).

* Признана на территории РФ экстремистской организацией.

73. Statement by President von der Leyen on further measures to respond to the Russian invasion of Ukraine (2022), *European Commission — Press corner*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_1441 (дата обращения: 31.01.2023).

74. EU Code of Conduct against online hate speech, *European Commission — Press corner*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7109 (дата обращения: 03.02.2023).

Статья поступила в редакцию 13 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Колотаев Юрий Юрьевич — ассистент; yury.kolotaev@mail.ru

Digitalization and disinformation: Current governance practices of the European Union

Yu. Yu. Kolotaev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kolotaev Yu. Yu. Digitalization and disinformation: Current governance practices of the European Union. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 402–421. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.405> (In Russian)

The article focuses on the contemporary problems of the digital space. It considers the threat of disinformation as a systemic phenomenon and a characteristic of “information disorder” and the post-truth era. The study reflects on the main theoretical ideas about the relations between agents of informational influence, involving various stakeholders. It also assesses potential and existing measures to counter disinformation. The experience of the European Union reflects in this context a new, supranational approach to regulation of the digital sphere. This article aims to comprehensively reflect the evolution and the current state of the European Union’s activities in the field of countering disinformation and assess the strengths and weaknesses of its policy. The article considers such important changes in the activities of the European Union as the adoption of the new Digital Services Act, the application of media blocking practices, the revision of previous documents, as well as the transition from a self-regulatory practice to the practice of co-regulation. Strategies, action plans, and resolutions, as well as voluntary codes of practice, provide the basis for the analysis. They reflect the strategic vision, measures, and results of the work of various EU institutions. The study showed that currently the EU has reached a high level of interaction with digital platforms in the fight against disinformation, while the nature of those interactions has gradually changed. Despite the central role of platforms in the EU’s policy, it combines new practices of co-regulation with the development of a particular strategic narrative and cooperation with civil society. At the same time, the current policy reveals a number of negative trends, including the politicization of the problem in the context of geopolitical contradictions, the stigmatization of certain information influence sources, as well as a lack of attention to “non-political” disinformation. Additionally, there are problems in EU policy related to the inconsistency of particular acts, the lack of transparency of numerous measures, and the difficulty of monitoring and evaluating certain actions.

Keywords: European Union, disinformation, Digital Services Act, post-truth, digitalization.

References

1. Zarocostas, J. (2020). How to fight an infodemic, *The Lancet*, vol. 10225, no. 395, p. 676.
2. Venidiktov, S. V. (2022). Post-truth as a threat to media consumption in the pandemic era, *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, no. 2 (44), pp. 15–22. (In Russian)

3. Chugrov, S. V. (2017). Post-Truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy?, *Polis. Political Research*, no. 2, pp. 42–59. (In Russian)
4. Block, D. (2019), *Post-Truth and Political Discourse*, Springer International Publishing.
5. Dalkir, K. (2020), *Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World*, ed. by Katz, R., IGI Global.
6. Wardle, C. and Derakhshan, H. (2017), *Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking*, Council of Europe, 2017.
7. Sutyryn, V.V. (2021) EU Public Diplomacy Transformation: From the Crisis of Narrative towards External Threat, *Sovremennaiia Evropa*, no. 6, pp. 17–29. (In Russian)
8. European Commission (2023), *Shaping Europe's digital future — Tackling online disinformation*. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/online-disinformation> (accessed: 07.05.2023).
9. Lasswell, H. D. (1948), The structure and function of communication in society, in: Bryson, B. L. (ed.), *The communication of idea*, Harper and Row, pp. 37–51.
10. Braddock, R. (1958), An Extension of the “Lasswell Formula”, *Journal of Communication*, vol. 8, no. 2, pp. 88–93.
11. Arendt, H. and Kohn, J. (2006), *Between Past and Future* (Annotated ed.), Penguin Classics.
12. Foucault, M. (2017), *Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980–1981*, ed. by Ewald, F., Fontana, A. and Gros, F., Palgrave Macmillan UK.
13. Lasswell, H. D. (1938), *Propaganda technique in the World War*, New York: Peter Smith.
14. Ellul, J. (1973), *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*, trans. by Kellen, K. and Lerner, J., New York: Vintage Books.
15. Alexander, J. and Smith, J. (2011), Disinformation: A Taxonomy, *IEEE Security & Privacy*, vol. 9, no. 1, pp. 58–63.
16. Mutsenek, V.E. (2018), Disinformation as an Information Security Incident, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, no. 24, pp. 24–32. (In Russian)
17. Gerrits, A. W.M. (2018), Disinformation in International Relations: How Important Is It?, *Security and Human Rights*, vol. 29, no. 1–4, pp. 3–23.
18. Valitova, A. T. (2022). Fake news as a political and discursive phenomenon of the modern era, *Vo-prosy politologii*, no. 12 (3), pp. 684–691. (In Russian)
19. Corner, J. (2017), Fake news, post-truth and media-political change, *Media, Culture & Society*, vol. 39, no. 7, pp. 1100–1107.
20. Lewandowsky, S., Ecker, U.K.H. and Cook, J. (2017), Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, vol. 6, no. 4, pp. 353–369.
21. Kalpokas, I. (2019), *A Political Theory of Post-Truth*, Springer International Publishing.
22. Popova, O. V. (ed.). (2018), “Post-truth politics” and populism, St Petersburg: Skifia-print Publ. (In Russian)
23. Boler, M. and Davis, E. (2018), The affective politics of the “post-truth” era: Feeling rules and networked subjectivity, *Emotion, Space and Society*, vol. 27, pp. 75–85.
24. Durnová, A. (2019). Unpacking emotional contexts of post-truth, *Critical Policy Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 447–450.
25. Pothos, E. M., Lewandowsky, S., Basieva, I., Barque-Duran, A., Tapper, K. and Khrennikov, A. (2021), Information overload for (bounded) rational agents, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 288 (1944), pp. 2020–2957.
26. Jamieson, K. H. and Cappella, J. N. (2008), *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*, 1st ed., New York: Oxford University Press.
27. Gaultney, I., Sherron, T. and Boden, C. (2022), Political polarization, misinformation, and media literacy, *Journal of Media Literacy Education*, vol. 14, no. 1, pp. 59–81.
28. Pérez-Escobar, M. and Noguera-Vivo, J.M. (eds) (2022), *Hate Speech and Polarization in Participatory Society*, New York: Taylor & Francis.
29. De Cock Buning, M. (2018). *A multi-dimensional approach to disinformation: Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation*, Publications Office of the European Union.
30. Tandoc, E. C., Lim, Z. W. and Ling, R. (2018), Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions, *Digital Journalism*, vol. 6, no. 2, pp. 137–153.
31. Ilchenko, S. N. (2021), *Fake control, or News that should not be trusted: How the media fool us*, Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russian)
32. Krasovskaya, N. R. (2020), Fake news and deepfakes as psychotechnologies of modern information war, *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, no. 2 (23), pp. 191–194. (In Russian)

33. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz — NetzDG) vom 1. September 2017. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BjNR335210017.html> (accessed: 17.01.2023).
34. Loi no 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1). Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559/> (accessed: 17.01.2023).
35. European Parliament (2015), *Resolution of 15 January 2015 on the situation in Ukraine (2014/2965(RSP))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0011_EN.html (accessed: 17.01.2023).
36. European Parliament (2016), *Resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.pdf (accessed: 17.01.2023).
37. European Parliament (2015), *Resolution of 12 March 2015 on the Annual Report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament (2014/2219(INI))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0075_EN.html (accessed: 17.01.2023).
38. Remarks by F. Mogherini on EU strategic communication to counteract anti-EU propaganda by third parties, *EEAS Website*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/15765_en (accessed: 17.01.2023).
39. Questions and Answers about the East StratCom Task Force, *EEAS Website*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (accessed: 18.01.2023).
40. Bazarkina, D.Y. (2021). Evolution of the European Union's Approach to Countering Disinformation, *Vlast'*, no. 6, pp. 130–138. (In Russian)
41. European Commission (2018), *Communication Tackling Online Disinformation: A European Approach COM/2018/236 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (accessed: 17.01.2023).
42. European Commission (2018), *Joint Communication Action Plan Against Disinformation Join/2018/36 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=JOIN:2018:036:FIN> (accessed: 17.01.2023).
43. Code of Practice on Disinformation (2018), *Shaping Europe's digital future*. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2018-code-practice-disinformation> (accessed: 17.01.2023).
44. European Court of Auditors (2021), *Special Report 09/2021: Disinformation affecting the EU: tackled but not tamed*. Available at: https://www.eca.europa.eu/lists/ecadocuments/sr21_09/sr_disinformation_en.pdf (accessed: 17.01.2023).
45. Kuczerawy, A. (2019), Fighting Online Disinformation: Did the EU Code of Practice Forget about Freedom of Expression?, in: *Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democracy* (European Integration and Democracy Series, vol. 6), Intersentia, pp. 291–308.
46. Monti, M. (2020), The EU Code of Practice on Disinformation and the Risk of the Privatisation of Censorship, in: *Democracy and Fake News*, London: Routledge, pp. 214–225.
47. Pitruzzella, G. and Pollicino, O. (2020), *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective*, EGEA Spa — Bocconi University Press.
48. Social Observatory for Disinformation and Social Media Analysis, *SOMA Project*. Available at: <https://cordis.europa.eu/project/id/825469> (accessed: 18.01.2023).
49. European Commission (2020), *Joint Communication Tackling Covid-19 Disinformation — Getting the Facts Right Join/2020/8 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020JC0008> (accessed: 17.01.2023).
50. EDMO at a Glance, *EDMO*. Available at: <https://edmo.eu/edmo-at-a-glance/> (accessed: 22.12.2022).
51. *Disinformation: online platforms continue the Code of Practice revision in light of the war in Ukraine and report on first 2022 actions to fight COVID-19 disinformation*, *European Commission Press Release (2022)*. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/disinformation-online-platforms-continue-code-practice-revision-light-war-ukraine-and-report-first> (accessed: 02.02.2023).
52. Dealing with propaganda, misinformation and fake news — Democratic Schools for All, *Council of Europe*. Available at: <https://www.coe.int/en/web/campaign-free-to-speak-safe-to-learn/dealing-with-propaganda-misinformation-and-fake-news> (accessed: 09.12.2022).
53. *PACE website*. Available at: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=25406> (accessed: 09.12.2022).
54. Sanchez, L. (2021). Report — Bolstering the democratic resilience of the alliance against disinformation and propaganda, *NATO Parliamentary Assembly*. Available at: <https://www.nato-pa.int/document/2021-bolstering-democratic-resilienceof-alliance-against-disinformation-and-propaganda> (accessed: 11.12.2022).

55. On May 16, Moscow hosted a meeting of the leaders of CSTO member states, dedicated to the 30th anniversary of the signing of the Collective Security Treaty and the 20th anniversary of the CSTO (2022), *CSTO*. Available at: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-16-maya-proydet-vstrechaglav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/loaded (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

56. Moynihan, H. (2021), Deplatforming Trump puts big tech under fresh scrutiny, *Chatham House* — International Affairs Think Tank*. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/deplatforming-trump-puts-big-tech-under-fresh-scrutiny> (accessed: 05.03.2023).

57. Jhaver, S., Boylston, C., Yang, D. and Bruckman, A. (2021), Evaluating the Effectiveness of Deplatforming as a Moderation Strategy on Twitter, *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, vol. 5, pp. 381:1–381:30.

58. European Commission (2020), *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (accessed: 17.01.2023).

59. *Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) (Text with EEA relevance) PE/30/2022/REV/1 — OJ L 277*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2065> (accessed: 17.01.2023).

60. *Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) PE/17/2022/REV/1 OJ L 265*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925> (accessed: 17.01.2023).

61. European Commission (2020), *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) COM/2020/842 final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (accessed: 17.01.2023).

62. DSA: Commission welcomes political agreement, *European Commission — Press corner*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2545 (accessed: 02.02.2023).

63. European Commission (2020), *Joint Communication The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade Join/2020/18 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52020JC0018>

64. European Commission (2020), *Digital Education Action Plan 2021–2027 Resetting education and training for the digital age COM/2020/624 final*. Available at: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/action-plan> (accessed: 17.01.2023).

65. European Commission (2020), *Communication On the EU Security Union Strategy COM/2020/605 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0605> (accessed: 17.01.2023).

66. European Commission (2020), *Communication Shaping Europe's Digital Future COM/2020/67 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0067> (accessed: 17.01.2023).

67. Ukraine: Sanctions on Kremlin-backed outlets Russia Today and Sputnik (2022), *European Commission — Press corner*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_1490 (accessed: 31.01.2023).

68. European Commission (2020), *Communication On the European Democracy Action Plan COM/2020/790 Final*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0790> (accessed: 17.01.2023).

69. Russian media “censorship” overrules Swedish & Danish constitution (2022), *EUobserver*. Available at: <https://euobserver.com/opinion/156235> (accessed: 31.01.2023).

70. *Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 27 July 2022. RT France v Council of the European Union. Case T-125/22. — Document 62022TJ0125*. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62022TJ0125#t-ECR_62022TJ0125_EN_01-E0001 (accessed: 17.01.2023).

71. Strengthened Code of practice on disinformation: Commission and signatories call for broader participation (2021), *Shaping Europe's digital future*. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/strengthened-code-practice-disinformation-commission-and-signatories-call-broader-participation> (accessed: 19.05.2023).

* Is recognized in Russian Federation as an extremist organization.

72. Position of the EU DisinfoLab on the 2022 Code of Practice on Disinformation, *EU DisinfoLab*. Available at: <https://www.disinfo.eu/advocacy/eu-disinfo-labs-position-on-the-2022-code-of-practice-on-disinformation/> (accessed: 02.02.2023).

73. Statement by President von der Leyen on further measures to respond to the Russian invasion of Ukraine (2022), *European Commission — Press corner*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_1441 (accessed: 31.01.2023).

74. EU Code of Conduct against online hate speech, *European Commission — Press corner*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7109 (accessed: 03.02.2023).

Received: August 13, 2023

Accepted: September 28, 2023

Author's information:

Yury Yu. Kolotaev — Assistant Lecturer; yury.kolotaev@mail.ru